

Аргументы и факты - 2004 сентябрь (№38) - с.21

Он выбрал «или»

ПОЭТ Константин КЕДРОВ живет в самой высокой точке центра Москвы, в так называемом Доме будущего, построенном в 1913 г. архитектором Нирнзее. Когда-то на плоской крыше этого здания был ресторан, где сживали Булгаков и Маяковский вместе со своим учителем Бурлюком. И не случайно отсюда автор "Мастера и Маргариты" описывал финальную скачку небесных всадников над Москвой...

- КОНСТАНТИН Александрович, почему о вас больше известно за рубежом, чем в России?

- Ситуация, конечно, противоестественная, хотя и не новая. Это последствия той информационной блокады, которую создали вокруг моего имени еще в советские времена. Ничего не печатали.

- Но ведь после советской власти прошло больше десяти лет?

- Больше-то больше, а в литературе во многом задают тон те же люди, которым когда-то было поручено "тащить и не пущать".

- Сегодня ваши стихи напечатаны?

- Да, в прошлом году вышло полное собрание в одном томе "Или".

- Необычное название...

- В гамлетовском: "Быть или не быть?" я выбираю "или". Для меня "или" - это свобода.

- Говорят, вас выдвинули на Нобелевскую премию?

- Какие-то слухи доходили. Честно говоря, это слегка нарушает душевный покой. Конечно, это победа, хотя есть великая заповедь Бориса Пастернака: "Но поражение от победы ты сам не должен отличать".

- Какие у вас были победы и поражения?

- В советское время вся жизнь была борьбой, а потому - сплошные победы. Напечатал первую подборку стихов - победа! Это было в 1958 г., наизусть помню вступление литсотрудника молодежной газеты мастера спорта по шахматам Якова Дамского. Он теперь известный спортивный обозреватель. Подборка начиналась словами: "Эти стихи радуют и удивляют всех, кому приходится их читать. Трудно даже поверить, что эти зрелые мысли и яркие образы принадлежат перу пятнадцатилетнего школьника".

- А после 58-го вы печатались?

- Ну что вы! Вскоре все двери захлопнулись.

- На что же вы жили?

- Занялся филологией, литературоведением, критикой. Поступил в аспирантуру. Стал старшим преподавателем кафедры русской литературы Литинститута Союза писателей. Правда, самого меня в этот союз при советской власти так и не приняли. Больше того, в 1991 г. в кабинете председателя КГБ в сейфе, где хранились наиболее секретные документы, была обнаружена записка: "Предотвращено вступление Лесника в Союз писателей". Я это узнал из книги Урусадзе "Выборные места из переписки с врагами".

- Значит, вы Лесник?

- Ну, мне еще повезло. У моего друга писателя Анатолия Приставкина была кличка Шелкопер. В институт пришли господа из КГБ и сказали, что под влиянием моих лекций о Достоевском наш заочник из Липецка не только уверовал в Бога, но еще и из партии вышел. Однажды на 1 Мая я дежурил ночью в кабинете проректора. Была такая традиция со сталинских времен. Тут внимание мое

привлекла папочка с ботиночными тесемочками. Не удержался и раскрыл. В ней лежал компронат... на меня. Это была записка ректора, где старческой дрожащей рукой написано: "Рассказывал о боге. Рассказывал о черте". А потом уж совсем непонятное: "Евреи, евреи, евреи..." Первые две провинности понятны - и о боге, и о черте у Достоевского предостаточно, а я вел спецкурс. А вот последние три слова, скорее всего, навеяны упоминанием на лекциях имен Эйнштейна и Фрейда. Одним словом, под разговоры про перестройку и человеческий фактор после 13 лет преподавания меня вынудили уйти. Но за поражением последовала очередная победа. Вышла книга "Поэтический космос". Правда, с громадным послесловием страниц на 100, где говорилось, какой я нехороший идеалист и как со мной бороться в новых условиях.

- А что антисоветского в "Поэтическом космосе"?

- То, что выведено в заглавие: поэзия и космос.

- Перефразируя Николая Асеева, спрошу: "Зачем и кому нужна поэзия сегодня?"

- Вопрос вопросов. Она нужна всем и никому. Люди так отвыкли от стихов, что принимают за поэзию песенные тексточки и сладенькие романсы. Это не только у нас, но и во всем мире.

- Может, виновата в этом сама поэзия? Стала слишком мудреная?

- Поэзия - это вера в безграничные возможности человека. Читатель для поэта, как зритель для драматурга или режиссера.

- Получается, что поэзия - это обман?

- Ничего подобного. Обман - жизнь. А поэзия - чистейшая правда.

- Почему же эта правда непопулярна?

- Популярна, как золото и бриллианты. Все драгоценное потому и драгоценно, что редко. Поэзия - редкость и роскошь, но без роскоши жизнь тускнеет. Уберегите собор Василия Блаженного с Красной площади или Эйфелеву башню из Парижа - что останется? Уйдет поэзия, не будет ни Москвы, ни Парижа.

Марина ТУЛЬСКАЯ
Фото Геннадия УСОЕВА

Kedrov Konstantin

(№38) 09.04 (сентябрь)

Он выбрал «или»

ПОЭТ Константин КЕДРОВ живет в самой высокой точке центра Москвы, в так называемом Доме будущего, построенном в 1913 г. архитектором Нирнзее. Когда-то на плоской крыше этого здания был ресторан, где сживали Булгаков и Маяковский вместе со своим учителем Бурлюком. И не случайно отсюда автор "Мастера и Маргариты" описывал финальную скачку небесных всадников над Москвой...

- КОНСТАНТИН Александрович, почему о вас больше известно за рубежом, чем в России?

- Ситуация, конечно, противоестественная, хотя и не новая. Это последствия той информационной блокады, которую создали вокруг моего имени еще в советские времена. Ничего не печатали.

- Но ведь после советской власти прошло больше десяти лет?

- Больше-то больше, а в литературе во многом задают тон те же люди, которым когда-то было поручено "тащить и не пущать".

- Сегодня ваши стихи напечатаны?

- Да, в прошлом году вышло полное собрание в одном томе "Или".

- Необычное название...

- В гамлетовском: "Быть или не быть?" я выбираю "или". Для меня "или" - это свобода.

- Говорят, вас выдвинули на Нобелевскую премию?

- Какие-то слухи доходили. Честно говоря, это слегка нарушает душевный покой. Конечно, это победа, хотя есть великая заповедь Бориса Пастернака: "Но поражение от победы ты сам не должен отличать".

- Какие у вас были победы и поражения?

- В советское время вся жизнь была борьбой, а потому - сплошные победы. Напечатал первую подборку стихов - победа! Это было в 1958 г., наизусть помню вступление литсотрудника молодежной газеты мастера спорта по шахматам Якова Дамского. Он теперь известный спортивный обозреватель. Подборка начиналась словами: "Эти стихи радуют и удивляют всех, кому приходится их читать. Трудно даже поверить, что эти зрелые мысли и яркие образы принадлежат перу пятнадцатилетнего школьника".

- А после 58-го вы печатались?

- Ну что вы! Вскоре все двери захлопнулись.

- На что же вы жили?

- Занялся филологией, литературоведением, критикой. Поступил в аспирантуру. Стал старшим преподавателем кафедры русской литературы Литинститута Союза писателей. Правда, самого меня в этот союз при советской власти так и не приняли. Больше того, в 1991 г. в кабинете председателя КГБ в сейфе, где хранились наиболее секретные документы, была обнаружена записка: "Предотвращено вступление Лесника в Союз писателей". Я это узнал из книги Урусадзе "Выборные места из переписки с врагами".

- Значит, вы Лесник?

- Ну, мне еще повезло. У моего друга писателя Анатолия Приставкина была кличка Шелкопер. В институт пришли господа из КГБ и сказали, что под влиянием моих лекций о Достоевском наш заочник из Липецка не только уверовал в Бога, но еще и из партии вышел. Однажды на 1 Мая я дежурил ночью в кабинете проректора. Была такая традиция со сталинских времен. Тут внимание мое

привлекла папочка с ботиночными тесемочками. Не удержался и раскрыл. В ней лежал компромат... на меня. Это была записка ректора, где старческой дрожащей рукой написано: "Рассказывал о боге. Рассказывал о черте". А потом уж совсем непонятное: "Евреи, евреи, евреи..." Первые две провинности понятны - и о боге, и о черте у Достоевского предостаточно, а я вел спецкурс. А вот последние три слова, скорее всего, навеяны упоминанием на лекциях имен Эйнштейна и Фрейда. Одним словом, под разговоры про перестройку и человеческий фактор после 13 лет преподавания меня вынудили уйти. Но за поражением последовала очередная победа. Вышла книга "Поэтический космос". Правда, с громадным послесловием страниц на 100, где говорилось, какой я нехороший идеалист и как со мной бороться в новых условиях.

- А что антисоветского в "Поэтическом космосе"?

- То, что выведено в заглавие: поэзия и космос.

- Перефразируя Николая Асеева, спрошу: "Зачем и кому нужна поэзия сегодня?"

- Вопрос вопросов. Она нужна всем и никому. Люди так отвыкли от стихов, что принимают за поэзию песенные тексточки и сладенькие романсы. Это не только у нас, но и во всем мире.

- Может, виновата в этом сама поэзия? Стала слишком мудреная?

- Поэзия - это вера в безграничные возможности человека. Читатель для поэта, как зритель для драматурга или режиссера.

- Получается, что поэзия - это обман?

- Ничего подобного. Обман - жизнь. А поэзия - чистейшая правда.

- Почему же эта правда непопулярна?

- Популярна, как золото и бриллианты. Все драгоценное потому и драгоценно, что редко. Поэзия - редкость и роскошь, но без роскоши жизнь тускнеет. Уберите собор Василия Блаженного с Красной площади или Эйфелеву башню из Парижа - что останется? Уйдет поэзия, не будет ни Москвы, ни Парижа.

Марина ТУЛЬСКАЯ
Фото Геннадия УСОЕВА

Кедров Константин
(сери)

(N 38). 09.03
(сери.)